

Н. В. Куксанова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

nvkusanova@mail.ru

ЖУРНАЛИСТИКА ПУТЕШЕСТВИЙ В. В. РОЗАНОВА: ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ

Статья посвящена выявлению и анализу впечатлений и образов России и Запада, создаваемых В. В. Розановым во время его путешествия в Европу в 1901 и 1905 гг. Само путешествие рассматривается в качестве особой социальной практики, в которой выявляется авторская позиция публициста в динамичном освоении культурного ландшафта Италии, Германии и России, тематическая специфика восприятия и создания образов архитектурных и живописных творений европейских мастеров, авторская интерпретация и отражение религиозной и бытовой жизни горожан. Проанализированные тексты свидетельствуют, что Розанов, пребывая в Европе, обязательно обращается к России. В результате наблюдения автор создает сравнительные описания в общем контексте их культуры и географического пространства, наделенные социально значимым контентом.

Ключевые слова: В. В. Розанов, журналистика путешествий, культура, архитектура, церковь, католицизм, православие, Европа, Италия, Германия, Россия.

Тема путешествия как многогранная социальная практика оказалась весьма актуальна в современном социальном знании в самых разных аспектах: этнопсихологическом, культурологическом, политическом, географическом. Методологические достижения и проблемы социологии путешествий как междисциплинарного явления через авторское конструирование и моделирование образов стран и регионов наиболее концентрированно отражены в работах Д. Н. Замятина [1999]¹ и М. Б. Ямпольского [2000]. С другой стороны, исследование данной темы находится в русле активно развивающейся журналистики путешествий, или трэвел-журналистики (от англ. *travel journalism*). Трэвел-журналистику в настоящее

время принято рассматривать как особое синтетическое направление в массмедиа, которое через информацию о путешествиях позволяет описывать, анализировать такие темы, как география, история, культура стран и народов в самом широком смысле².

Анализ авторского освоения В. В. Розановым культурно-географического пространства Италии в контексте сравнения с Российскими социокультурными традициями и моделями был сделан Н. В. Куксановой в предшествующей статье [2014]. Это же является предметом и настоящей статьи на примере его путешествия по Германии в 1905 г.

Поездка В. В. Розанова по Италии в 1901 г. была типичным географическим путешествием, где происходило экстенсивное

¹ См. также: Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства. 2002. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/991/120/1217/002.ZAMIATI N.pdf>

² Показаньева И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385>

динамичное расширение географического пространства для самого автора. С другой стороны, шло внутреннее освоение нового пространства, в результате чего создавались локальные типологические образы страны и отдельных мест, одновременно рождались их сравнения с образами и символами России во всем многообразии ее социальной жизни. Розанов постоянно фрагментирует и расщепляет окружающее пространство, совершая движение в реальном и образном мире и обозначая собственную позицию наблюдателя.

Очерки Розанова, посвященные Италии, публиковались в «Новом времени» в марте-сентябре 1901 г. Иногда в литературе вполне правомерно они отнесены к эссе, потому что в них эмоциональная энергетика автора выходит на первый план повествования. Печатались очерки в основном по горячим следам путешествия, и это создавало у читателей чувство реальности запечатленных автором наблюдений. Ощущение непосредственности живых впечатлений нашло отклик в читательских письмах, пришедших в редакцию. Три очерка о Флоренции и Пестуме были опубликованы в журнале «Мир искусства» в 1902 г. и сопровождались рисунками Л. Бакста в стиле «модерн», что очень удовлетворяло самого автора. А в 1909 г. были изданы отдельной книгой под названием «Итальянские впечатления» с небольшими прибавками о путешествии по Германии. Хотя статьи о двухнедельном путешествии по четырем городам Германии: Берлину, Мюнхену, Дрездену, Нюрнбергу (у Розанова – Нюрнберг) – печатались первоначально летом 1905 г. в газете «Новое время».

В Италии Розанов посетил Рим, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Капри, Везувий, Помпею, маленькие города Салерно, Пестум, т. е. те места, которые уже выступали как центры международного туристического интереса. Отношение к итальянцам изначально оказывается толерантным, но как к людям с другими кодами человеческого поведения. Во главе эмоционального рассказа стремление к пониманию и диалогу, открытости, а не восприятие другой культуры только с точки зрения соответствия своей собственной модели.

Розанов в течение всего путешествия признается читателю, что за границей острее воспринимаются Россия и русский на-

род. Публицист демонстрирует благожелательное отношение к Европе, но Россия не рассматривается им как часть европейской цивилизации. Россия и Европа воспринимаются Розановым как отдельные культурно-географические пространства, и центральным культурным фактором, формирующим их различие, становится различие веры: «Но и мне, как человеку массы, живущему более общим впечатлением от церкви, нежели вхождением в ее подробности, когда я бродил по улицам Рима, внутренний голос шептал: “Не то! не то! это совершенно не то, что смиренная вера Москвы, Калуги, Звенигорода, моей родной Костромы”» (Розанов, 1994а. С. 27).

Сравнение католицизма и православия стало центральной темой его очерков. В размышлениях В. В. Розанова о католицизме не было лояльности к нему, но агрессивной враждебности тоже не ощущалось. По сути дела, здесь содержится призыв не судить огульно католицизм, но постараться понять его как разновидность христианства. Чрезвычайно важным для Розанова стало изменение и расширение самого понятия и содержания христианства. Как мы видим, итальянские наблюдения привели Розанова к еще одному чрезвычайно современному выводу, к восприятию и пониманию христианства не только как веры, но как неотъемлемой части человеческой культуры: «Мне кажется, в христианстве как мало обдуманно и взлелеяно и вообще культивировано вхождение человека в мир, так найдена абсолютная и, так сказать, не нуждающаяся в коррективах и дополнениях красота выхода из бытия. Смерть и похороны, со всеми подробностями, до ниточки – постигнуты в нем человеческою душою в такой мере, музыкально, обрядно, певчески, словесно, символично и прямо, что работать здесь далее мыслью уже невозможно» (Там же. С. 74).

После посещения музеев Ватикана публицист прямо заявляет, что итальянские и вообще католические церкви – внутренние и интимные центры религиозного сосредоточения человека, места более свободного общения прихожан с Богом по сравнению с православными церквями: «Наш храм есть официальное религиозное место. В нем мы не только стоим, как и во всяком высоко присутственном месте, но стоим от часа и стольких-то минут до часа и стольких-то

минут, после которых просто неловко остаться или задержаться в храме» (Розанов, 1994а. С. 52). На этой длительно существовавшей возможности индивидуального и интимного общения с Богом и родились шедевры итальянской живописи.

Проанализированные тексты свидетельствуют о том, что в минуты и часы наибольших эмоциональных впечатлений от увиденного в Европе Розанов обязательно обращается к России. Так было и в Венеции, где его привели в восторг башня св. Марка (падающая), архитектура площади св. Марка, Дворец дождей. Размышляя об окружающей архитектуре и признавая удивительную ее соразмерность, целостность и уникальность, он обращается к наиболее знаменитым памятникам России: «Выньте из Кремля Ивана Великого, – не Бог знает какую красоту, – уберите перед Кремлем Василия Блаженного, – и целое вдруг потеряет смысл, красоту, целостность, гармонию» (Там же. С. 115). И далее в тексте очерка уже идут раздумья автора о наиболее уникальном в архитектуре России: «На вопрос, что лучше, Зимний дворец или Василий Блаженный, всякий, вероятно, скажет, что – Василий Блаженный. Таких, как Зимний дворец, зданий может быть много, и есть здания, к нему приближающиеся. Но к Василию Блаженному ничто не приближается. Он один. Каприз времени, чудачество эпохи возвело вещь, неповторимую ни в какие другие времена и непосильную ни Растрелли, ни Тону» (Там же. С. 116). Розанов не стесняется писать, что испытал восторг и счастье от общения с культурой и архитектурой Италии. Но тут же он проводит мысль, что уникальные архитектурные памятники все-таки органичны в определенной национальной среде. Если перенести храм Василия Блаженного в другую культуру, в Лондон или особенно в Нью-Йорк, то он там будет неуместен и эстетически непригляден.

Основой оценки другой европейской действительности для Розанова выступает собственный интеллектуально-психологический опыт. И он активно использует свое философское видение для сопоставления этой иной и русской культуры, истории и жизни. В Венеции после наблюдения ее красот писатель задает себе и читателю вопросы об общем будущем: «Неужели развоятся и вырастут в истории силы, среди

которых если бы пришлось запутаться и погибнуть державе Петра, то это выразилось бы так же бесшумно, незаметно и неинтересно, как гибель Венеции? Но что же это за силы будут? А если не будут, то неужели держава Петра есть грань и конец истории, предел земного величия и значительности?» (Там же. С. 121). В данном случае Василий Васильевич выступает как представитель авторской традиции, позволяющей на основе собственного индивидуального видения и понимания задавать глобальные эсхатологические вопросы о конце истории и мироздания.

В Германии, так же как и в Италии, на первый план погружения в европейский мир у Розанова выходят собственные эстетические интересы, которые, очевидно, совпадали с маршрутами большинства культурно образованных европейских путешественников. Особенно его привлекали шедевры европейской живописи и выдающиеся памятники архитектуры, которые и сегодня выступают как неперемennые части мировых туристических маршрутов. Так, он специально заехал в Дрезден, чтобы посмотреть галереи города и особенно «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля. Но картина его не впечатлила, и Розанов очень подробно объясняет самому себе и читателям газеты причины своего неудовлетворения. Больше впечатление произвели работы Фердинанда Бойля «Отдых на пути в Египет», «Жертвоприношение Маноя» Рембрандта и другие, которые, по словам Розанова, оказались более «братски-человеческими произведениями». В «Сикстинской Мадонне» автор увидел преимущественно церковное, нарисованное для церкви и поклонения полотно. Уведомил читателя, что она более икона, чем остальные мадонны Рафаэля. Больше всего в картине понравился Сикст, затем Мадонна и младенец. Розанов признавал, что перед ним была великая картина, но в своих размышлениях смотрел на нее взглядом простого человека. И с точки зрения простого человека не увидел ни величия, ни божественности, ни небесной красоты³. Тем самым автор высту-

³ *Сикстинская Мадонна* – знаменитейшая из всех картин Рафаэля Санти, составляющая ныне главное, неоценимое сокровище Дрезденской галереи. Была написана в Риме, между 1515 и 1519 г., для црк. бенедиктинского монастыря св. Сикста в Пьяченце и ук-

пил перед читателями с индивидуальной, но весьма демократической позицией. В тексте он размышляет, но не вершит суд и в то же время показывает свое раскованное человеческое я.

В Мюнхене, как и в других городах Германии, внимание путешественника фиксируется не столько на ландшафте, сколько на архитектуре городской среды. Его поразил стиль католического готического собора, выполненного из камня и стекла, без особых украшений. Для более подробного знакомства с архитектурой собора он задержался на день, попал на дневную мессу, которая в очередной раз поразила его тихостью исполнения. По описанию автора, очевидно, это был главный собор Мюнхена Фрауэнкирхе, построенный в XV–XVI вв. Особенно поразили шапки-луковицы на башнях, они напоминали русские церкви. В целом главный собор Мюнхена оказал на Розанова более глубокое психологическое впечатление, чем соборы св. Стефана в Вене, св. Марка в Венеции, св. Петра в Риме, готический собор в Нюрнберге. Розанов искренне полагал, что именно в архитектуре этого собора наиболее явно выразилось кредо католицизма. Считал, что причина этого в том, что в Южной Германии проходила граница между католицизмом и протестантизмом, который зарождался севернее. Увиденные им католические соборы Розанов отнес к позитивным основам человеческой культуры: родникам жизни, бытия и восхищения. Новые впечатления рождали новые темы. Одна из них выразилась в мысли, что католицизм может быть привлекателен для приезжающих русских своей эстетикой и вниманием к индивидуальному началу в человеке: «Ка-

рашала собою главный алтарь этого храма до 1754 г., в котором живописец К.-С. Джованнини приобрел ее для саксонского курфюрста Фридриха-Августа II (польск. короля Августа III) за 20 тыс. дукатов. Принадлежа последней поре деятельности Рафаэля, поре наивысшего развития его стиля и мастерства, С. Мадонна замечательна также тем, что написана всецело им самим, без участия учеников и помощников, которым в эту пору, будучи завален работами, он по необходимости поручал некоторые из них. Поэтому ни в одном произведении Рафаэля на религиозные темы его художественная личность не отражается с такой полнотой и яркостью, как в этой картине, не выказывается величественнее и сильнее гениальность, с какой он изобретал священные композиции и облекал их в формы дивной красоты. См.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>

толицизм весь пустынен, вышел из пустынного, уединенного настроения души человеческой. Это – великий праздник души человеческой, хоть, может быть, и темный, но который главным образом отрицает и бесильно отрицает *будни*, который не охватил собою и даже не взглянул проницательно на великое и серьезное содержание *будничной жизни*, т. е. *простой ежедневной работы*, ежедневного *пота*, крошечных здесь *радостей* и огромной *нравственной стороны*» (курсив здесь и далее мой. – Н. К.) (Розанов, 1994а. С. 133–134).

Освоение художественных ценностей Мюнхена навело его на размышления о роли музеев и художественных галерей в культуре. С одной стороны, в них он увидел «чуланное отношение к искусству» (Там же. С. 138). С другой стороны, ярко и вдохновенно высказался о необходимости этих учреждений в арсенале человеческого бытия: «Таким образом, галерея эта есть в точности сокровищница труда и вдохновений человечества... Это – мавзолей, где похоронены или, вернее, затворены вздохи человечества, счастье его: ибо только в счастье творится художественно-великое. Точно в этих каменных стенах лежит прекрасная любовница, вечно живая и неживая, не дышащая – и с румянцем на щеках, куда приходят люди, чтобы сказать: «Вот чем *был* человек! вот что он *мог*» (Там же. С. 140). Мюнхен Розанов нашел художественнее Дрездена.

Из бытовых подробностей поразил комфорт обыванной жизни: велосипедисты, отсутствие пронзительных ветров, чистый воздух, холодная и вкусная вода, оживленная уличная жизнь. В который раз он возвращается к выяснению различий русского и европейского уличного пространства, связывая их с вековыми социальными традициями народов. Такие особенные национальные черты, как душевность, психологическую рефлексию русских Розанов выводит из того, что в России жизнь дома отделена от улицы. В России, по его мнению, улицей пользуются в силу жизненной необходимости. По ней только проходят, работают люди, связанные с транспортными перевозками, уборкой, полицейские. Отдых и праздник в России происходит «дома, на кушетке или в креслах, «в уютной небольшой компании» (Там же. С. 134). В Берлине Розанова привлекла активная уличная жизнь, в которой он увидел продолжение

дома. В Германии же, по его мнению, возможность долгого пребывания на улице облегчает проникновение в уличную коммуникацию тех привычек и навыков, которые характерны для домашнего обихода: чувство товарищества, демократичность одежды, отсутствие открытой уличной проституции: «Свежо, чисто и очень самоуверенно, в самом хорошем смысле этого слова, без малейшей примеси нахальства» (Там же. С. 150). Естественно, в этих наблюдениях и суждениях автора преобладали эмоции первых впечатлений, и он не особенно стремился углубить их, тем более что они удовлетворяли читателя. В Женеве его привлекли величайшие реликвии Реформации – домик Кальвина и церковь, которую он посещал, поместье Вольтера в Фернее. И снова в его тексте наблюдается эффект пространственно-временного сдвига относительно исторического времени: «Каждый век вправду, да и обязан, грезить “по-своему”... Без этого не было бы оригинальности в истории, не было бы новизны. А история, как и торговка, выкрикивает: “Новенького! новенького!”» (Там же. С. 149).

Во время пребывания в Германии, не будучи политиком и всячески открепясь от политических суждений, он ставит насущный политический вопрос начала XX в., когда уже явно оформились международные военные союзы и экономические противоречия между ведущими европейскими странами – какая страна и народ являются возможным гегемоном Европы? Сравнение, естественно, идет между посещенными им Италией и Германией, и преимущество остается за последней: «Итальянки и итальянцы сравнительно с немками и немцами – какие-то потертые горничные и износившиеся баре. Из ста лиц здесь десять красивых, по крайней мере хороших, тогда как в Италии едва найдешь это число среди тысячи. Шаг у всех чуть-чуть быстрый, твердый. На улицах совершенно незаметно шатанья, “слоняющихся” господ. Ни одного не видел пьяного. Никого при мне не задавили. Ни разу этого вдруг понесшегося по улице крика, на который побежали толпы народа, – как у нас даже на Невском, не говоря о Садовой и «захолустьях»... И сам же оговаривается: «Я знаю, что это не отвечает теперешнему международному положению России, и говорю мысль свою почти украдкой,

“в сторону”, для будущего» (Там же. С. 150–151).

Наблюдая жизнь немецких городов, он ставит вопрос и о возможности будущей войны с Германией. В размышлениях об этом опирается на свои авторские достаточно наивные этнологические впечатления, приобретенные во время путешествия: «Я бы не был испуган фактом войны с немцами. Очевидно, это не нервно-мстительный народ, который, победив, стал бы добивать. Если они и свели на “нет” так называемых полабских славян средневековья, то, очевидно, потому, что те никак не умели сами просуществовать». Для Розанова в оценках немецкого народа важной оказалась та бытовая добропорядочность рядовых граждан и буржуа, которую он увидел на улицах немецких городов во время своего путешествия. Увидел динамичное развитие страны, ее стремление стать во главе Европы, но, несмотря на это, выступал за дружбу с немецким народом и призывал не бояться немецкой «гегемонии»: «Пусть немцы посетят нас; если это им в радость – ничего. Добрые люди вполне заслужили этого. И ничего от нас вследствие этого не убудет, и никому от этого слишком горько не станет. Да будет позволено сказать украдкой и эту приватную мысль» (Там же. С. 150, 152).

И, естественно, он снова не избежал сравнения общих потенциалов развития Германии и России. Предметом его журналистского интереса здесь становятся психологические черты национальных характеров немцев и русских. Отмечая выдержанность и доброжелательность немцев, он в то же время пишет о серенькой, тусклой обезличенности встреченных лиц: «Просто – сумма носа, губ, лба, галстука и шляпы» (Там же. С. 153). Но сила общего порядка, организованности и стремления к прогрессу, по его наблюдению, позволили нации преодолеть эту серость: «...но что они сумели сделать из этого посредственного материала своей души через посредство работы, упорного труда, бесконечной добросовестности и наивной, героической и святой веры в прогресс, в вечную возможность вечного совершенствования!» (Там же)

Обращаясь к типичным чертам русского народа, В. В. Розанов с грустью отмечает присутствие плутоватости «почти в каждом», лживости, недостаточность серьезной,

а не патетической нравственности. Преодоление народом этих негативных черт для публициста выступает залогом успешного развития России. Основой для такого поворота служит у него яркая индивидуальность русского народа. Розанов пишет: «...до чего каждый русский сапожник и каждая портниха содержательнее, даровитее, духовнее, интереснее, фигурнее, изящнее (именно – изящнее!) таковых же немцев». Но Россия в умении рационально вести хозяйство, благополучии и культуре жизни проигрывает Германии. Перспектива развития для собственной страны для него заключалась в развитии культуры и распространении качественного образования во все слои населения, формировании собственной большой науки. Чрезвычайно морально и патриотично выглядели его обращения к читателям: «"Проклятая Россия", "благословенная Россия" – так эти две тезы и стучат в голову. Да будет прощено это слово, и вообще пусть читатель готовится извинять и извинять меня за несколько взволнованных мыслей, какие вызвал у меня Берлин» (Розанов, 1994б. С. 153–154).

Подводя итоги, необходимо отметить, что в небольших очерках, посвященных путешествию по городам Германии, Розанов по-прежнему на первое место ставит личное эмоционально художественное восприятие увиденного. А главное внимание путешественника, так же как и в Италии, фокусируется на шедеврах живописи и архитектуры, которые уже получили мировое признание как культурные памятники. Пристально вглядываясь он в историю европейской религиозной жизни, рассматривая ее как основу бытия европейских народов. Этнологические наблюдения автора формировались в основном на уличной жизни городского населения, потому что формат туристического путешествия не позволил ему более глубоко проникнуть в частную жизнь горожан. Но

даже эти весьма общие наблюдения помогали автору формировать сравнительные описания Европы и России в общем контексте их культуры и социального пространства, выделять отличительные психологические черты их народов и образов жизни.

Список литературы

Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999.

Куксанова Н. В. Тема «Россия – Запад» в путевых записках В. В. Розанова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2014. Т. 13, вып. 6: *Журналистика.* С. 5–11.

Николюкин А. Н. Живописец русской души // *Розанов В. В. Среди художников. Итальянские впечатления. Собрание сочинений.* М.: Республика, 1994. Т. 1. С. 5–16.

Николюкин А. Н., Фадеев В. А. Комментарии к Итальянским впечатлениям // *Розанов В. В. Среди художников. Итальянские впечатления. Собрание сочинений.* М.: Республика, 1994. Т. 1. С. 423–429.

Сарычев Я. В. В. В. Розанов: логика творческого становления (1880–1890-е годы). Воронеж, 2006.

Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки человеческого видения. М., 2000.

Список источников

Розанов В. В. Итальянские впечатления // *Розанов В. В. Среди художников. Итальянские впечатления. Собрание сочинений.* М.: Республика, 1994а. Т. 1. С. 19–126.

Розанов В. В. По Германии // *Розанов В. В. Среди художников. Итальянские впечатления. Собрание сочинений.* М.: Республика, 1994б. Т. 1. С. 127–158.

Материал поступил в редколлегию 24.02.2015

N. V. Kuksanova

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nvkuksanova@mail.ru

**V. V. ROZANOV'S TRAVEL-JOURNALISM:
IMAGES OF EUROPE AND RUSSIA**

The article is devoted to the identification and analysis of impressions and images of Russia and the West posed by V. V. Rozanov during his trip to Europe in 1901 and 1905. The journey is regarded as a particular social practice, which reveals the author's position as a publicist in the dynamic development of the cultural landscape of Italy, Germany and Russia. The thematic specificity of perception and imaging of the architectural and pictorial creations of European masters, the author's interpretation and reflection of religious and everyday life of citizens are described. The texts under analysis indicate that Rozanov, being in Europe, necessarily refers to Russia. As a result of the observation, the author creates a comparative description in the general context of cultural and geographical space, endowed with socially relevant content.

Keywords: V. V. Rozanov, travel-journalism, culture, architecture, church, Catholicism, Orthodoxy, Europe, Italy, Germany, Russia.